

Ю. Е. ИВОНИН

О ВЛИЯНИИ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ И РЕФОРМАЦИИ В ГЕРМАНИИ НА ПОЛИТИКУ МОНАРХИИ АНГЛИИ И ФРАНЦИИ

В предлагаемой статье содержится попытка рассмотреть некоторые аспекты очень широкой и многоплановой проблемы влияния Крестьянской войны и Реформации в Германии на социально-политическое развитие других стран Европы XVI в. Начавшись в Германии, где она достигла такого революционного подъема, что дало Ф. Энгельсу основание назвать ее буржуазной революцией номер один с Крестьянской войной в качестве критического эпизода. Реформация затем широко распространилась по всей Европе, где не могла не оказать воздействия на развитие реформационных процессов в отдельных странах. Реформация, писал Ф. Энгельс, — «революция № 1, которая была более европейской, чем английская, и стала европейской гораздо быстрее, чем французская, победила в Швейцарии, Голландии, Шотландии, Англии, а также в известной мере в Швеции»¹. В этом всеевропейском характере и взаимосвязи социально-политических процессов, которые столь свойственны, в отличие от предшествующих столетий, Европе XVI в. и основой которых явилось развитие раннекапиталистических отношений, очевидно, и лежит истинная сила Реформации как явления общеевропейского и по своей сути антифеодального. «Вся Западная и Центральная Европа, включая сюда и Польшу, развивалась теперь во взаимной связи»². Отмечая эту особенность, В. И. Рутенбург пишет, что «процессы становления капитализма необходимо рассматривать не по странам, а в их взаимосвязи и взаимовлиянии»³. Характеризуя тот период европейской истории, в который произошли Крестьянская война и Реформация в Германии, А. Н. Чистозвонов отмечает, что первая половина XVI в. «прошла под знаком динамической экспрессии капитализма почти во всех западноевропейских странах, включая и многие германские земли»⁴.

Хорошо известно, что Англия позднего средневековья была страной классического первоначального накопления, а Франция — страной классического абсолютизма. Естественно, что для понимания существа Реформации как явления всеевропейского необходимо рассмотреть степень и последствия влияния Крестьянской войны и Реформации в Германии на политику абсолютных монархий в Англии и Франции по отношению к реформистскому движению как внутри этих стран, так и

вовне, поскольку Реформация занимала особое место в системе международных отношений того времени. Поскольку начало реформационных процессов в этих странах было весьма тесно связано с внутренней и внешней политикой крепнувшего абсолютизма, этот вопрос крайне важен как для изучения проблемы типологии европейской Реформации, так и для исследования вопроса о типологии абсолютизма и его особенностях в различных странах Западной Европы.

Прежде чем начаться в Англии и Франции, Реформация пережила свой взлет в Германии и после поражения Великой Крестьянской войны пошла на убыль. Начав цикл раннебуржуазных революций в Западной Европе, немецкая Реформация в виде бюргерско-умеренной Реформации Лютера послужила лишь средством укрепления власти территориальных князей⁵. Характеризуя последствия Крестьянской войны для политического развития германских земель, Ф. Энгельс писал: «Уровень развития тогдашней Германии был настолько низок и в то же время настолько различен в разных провинциях, что рядом со светскими княжествами могли существовать и независимые церковные владения, городские республики и суверенные графы и бароны, но в то же время это развитие шло, хотя очень медленно и вяло, в сторону провинциальной централизации, т. е. подчинения всех остальных имперских сословий власти князей. Поэтому в итоге Крестьянской войны в выигрыше могли остаться только князья»⁶. Эта мысль Ф. Энгельса должна быть определяющей при рассмотрении проблемы влияния Крестьянской войны и Реформации в Германии на политику английского и французского абсолютизма.

В буржуазной историографии по этому вопросу до сих пор господствует точка зрения, пожалуй, лучше всего выраженная швейцарским историком Э. Футером, что в государствах тогдашней Западной Европы новая теология едва ли могла оказать воздействие на политику, особенно внешнюю⁷. Преобладает локальный подход, ибо буржуазные историки всяческими способами стремятся игнорировать несомненное революционизирующее влияние Крестьянской войны и Реформации в Германии на страны Западной Европы. Такой подход замечен прежде всего в наиболее популярных в Западной Европе по истории религии и церкви этого периода рабочих Э. Трельча и Э. Леонара⁸. В одной из последних полемических статей по проблеме происхождения Реформации французский историк Ж. Соле практически обходит вопрос о всеевропейском масштабе Реформации и ее социально-политическом значении, сосредоточив внимание целиком на ее идеологическом аспекте⁹.

Но эта традиция начала нарушаться с выходом в свет работ известного французского медиевиста Л. Февра, выступившего против национальной замкнутости в изучении истории Реформации¹⁰.

Английский буржуазный историк Р. Кнехт попытался произвести сравнительный анализ ранней Реформации в Англии и во Франции¹¹. Игнорировать то бесспорное обстоятельство, что Реформация в Германии как родоначальница Реформации европейской так или иначе должна была оказать воздействие на конкретные формы и особенности

реформационных процессов в Англии и во Франции, историк не мог. Но отличие ранних этапов Реформации в этих странах Кнехт усматривает не в особенностях их социально-экономического и политического развития, а в степени влияния лютеранства по обе стороны Ла-Манша и Па-де-Кале. Тем самым вне поля зрения исследователя оказываются факторы социально-экономического развития этих стран. А ведь известно, что когда в Англии в начале 20-х гг. XVI в. стало усиливаться реформационное движение, его главными адептами выступили не широкие народные массы, а новое дворянство и буржуазия, требовавшие проведения секуляризации церковных и монастырских земель, составлявших $\frac{1}{4}$ земель всего королевства, и установления дешевой национальной церкви.

В эпоху усилившегося процесса «огораживаний» новое дворянство и буржуазия были сильно заинтересованы в увеличении своих земельных богатств. В то же время король Генрих VIII и его окружение отнюдь не были против того, чтобы значительная часть церковных богатств оказалась в их руках. Специфика социально-политического развития Англии XVI в. состояла в том, что тюдоровский абсолютизм, являясь по существу диктатурой класса феодалов в целом, был вынужден опираться на новое дворянство и буржуазию, учитывать их интересы и идти им на уступки. Объективно эти уступки постепенно укрепляли позиции новых классов в жизни английского общества, так что в те годы в Англии довольно ясно начала проявляться, говоря словами Ф. Энгельса, тенденция «прямо подсовывать буржуазный смысл под феодальное наименование»¹². Подъем нового дворянства, его место в социальной структуре Англии XVI в. и его взаимоотношения с королевской властью являются во многих отношениях ключом к успешному разрешению проблемы влияния Крестьянской войны и Реформации в Германии на политику тюдоровского абсолютизма.

Иную картину представляла собой Франция. Здесь королевская власть еще со времен Людовика XI¹³ и тем более после заключения «Болонского конкордата» 1516 г., предоставлявшего французскому королю право назначения епископов с последующим посвящением их папой, уже не нуждалась, в отличие от английской монархии, в подчинении церкви государству. Но более важным элементом для изучения вопроса о влиянии германских событий на политику французского абсолютизма является характеристика отношения различных социальных слоев Франции к реформационному движению. Во Франции, так же как и в Англии, в это время начинает появляться так называемое новое дворянство, но, в отличие от английского, французское новое дворянство, по своему происхождению буржуазное, стремилось, попав на государственную службу, приобретать дворянские титулы. Его доходы извлекались из государственной службы.

Не в пример английской французская буржуазия по вполне понятным причинам (во Франции не проводились «огораживания» подобно английским) не была заинтересована в захвате церковных земель. В то же время во Франции первой трети XVI в. трудно отыскать в движениях низов идеи и влияние протестантизма¹⁴, тогда как в Гер-

мании реформационные идеи стали выражением социального протеста широких народных масс. Незначительное число лютеран все же встречается среди городских низов Франции, но они не делают погоды¹⁵.

Единственно общим для Англии и Франции является лишь то, что французские реформаторы, особенно кружок Лефевра д'Этапля, как и их английские друзья, отнюдь не призывали к ниспровержению существовавших порядков и поэтому не вызывали немедленного стремления правительства покончить с реформационными движениями.

Упомянувшейся выше концепции Кнехта предшествовали и во многом ее подготовили работы Т. Паркера и А. Диккенса¹⁶. Эти историки полагают, что истинная сила английской Реформации состояла в Библии на английском языке. К этому они по существу сводят влияние Реформации в Германии на Реформацию в Англии (ибо образцом для создания английской Библии была Библия Лютера). Д. Скэрибрик, автор наиболее обстоятельного труда по истории Англии при Генрихе VIII, в качестве причин королевской Реформации в Англии указывает на рост национального самосознания в Англии и необходимость проведения национальной внешней политики¹⁷. Проблема влияния Крестьянской войны и Реформации в Германии на политику английской монархии совершенно исключается и Д. Элтоном, приписывающим замысел и проведение Реформации в Англии как часть реформ в управлении государством Томасу Кромвелю¹⁸.

Симптоматичным как для английских, так и для французских буржуазных историков является упорное игнорирование вопроса о том, какое воздействие могла произвести на социальную и церковную политику правительств Англии и Франции Крестьянская война в Германии. По сути дела единственное интересное соображение по этому поводу мы находим в книге английского либерального историка С. Биндофа «Тюдоровская Англия». Как думает автор, страх тудоровского правительства перед народной Реформацией и опасения, что крестьянские движения в Англии смогут облечься в реформационные одежды, заставили монархию в обстановке усиления требований провести Реформацию со стороны нового дворянства и буржуазии, пойти на умеренную Реформацию (англиканизм)¹⁹. Отсюда возникает необходимость отметить одну весьма важную особенность крестьянских движений в Англии того времени. Она ярко проявилась уже в ходе Реформации, когда английское крестьянство стало видеть в реформационной политике правительства необходимое условие дальнейшего прогресса «огораживаний». Упразднение монастырей и секуляризация их имущества послужили толчком к взрыву давно накопившегося недовольства. Это восстание было религиозным по своей форме, но аграрным по существу, так как в нем принимала участие широкая масса крестьянства²⁰.

После «Благодатного паломничества» 1536 г. монархия ясно видела, что крестьянские движения начали приобретать католическую окраску, скрывавшую требования прекратить огораживания и секуляризацию²¹. Правительство, опасавшееся социальных движений широких народных масс, лавировало между протестантски настроенными новым дворянством и буржуазией и феодальной оппозицией. Опасение, что Габс-

бурги и папство поддержат оппозиционные католические выступления, также накладывало отпечаток на эту политику. Действительно, огораживания и массовая экспроприация народных масс, как писал К. Маркс, получили новый сильный толчок в связи с Реформацией²².

Необходимо отметить также, что в Швеции антиправительственные настроения в крестьянском восстании 1542—1543 гг. нашли свое религиозное обоснование в лозунгах защиты старой веры, поскольку правительство Густава Вазы проводило реформационную политику²³.

Как известно, во Франции в первой половине XVI в. даже не стоял вопрос о том, что крестьянские движения могут быть облечены в одежды Реформации: условия были далеко не те, что в Германии, и возмущения против папской курии среди крестьян также не наблюдались. Крестьянские волнения были направлены прежде всего против усиления налогового гнета. В этой связи необходимо обратиться к работе известного французского историка А. Озе, убедительно показавшего, что протестантизм во Франции имел значительно больший успех среди рабочих, нежели среди крестьян, наиболее стабильной части населения Франции²⁴.

Касаясь очень сложного вопроса о месте гуманистов в Реформации (известно, насколько точно это отражено в поговорке того времени «Лютер снес яйцо, которое высидел Эразм»), Озе отмечал противоречивость взглядов гуманистов, в том числе и французских, своей критикой феодальных порядков и католической церкви способствовавших реформационному движению, но не примкнувших к нему²⁵. Известно, что французские протестанты пользовались поддержкой сестры французского короля Франциска I Маргариты Наваррской. Однако Озе, как многие историки и до и после него, не сделал исчерпывающего анализа этой проблемы.

Великий английский гуманист Томас Мор в своей полемике с Лютером предсказывал, что распространение лютеровского учения вызовет серьезные политические последствия — раскол церкви и гражданскую смуту. В особенности Мор порицал лютеранских проповедников за то, что они подстрекают народ к неповиновению законным властям. Именно Лютера и его сторонников Мор считал виновниками Крестьянской войны²⁶. Свое враждебное отношение к Реформации Мор выразил в вышедшем в один год с началом «Парламента Реформации» в Англии (1529) «Диалоге о ересь и религиозных недоразумениях». В этом памфлете Мор весьма убедительно показал политическую подоплеку реформационного движения в Западной Европе, увидев в проповедях Лютера повиноваться всякой власти лазейку для захвата церковных имуществ светскими государями. Томас Мор прекрасно понимал, что, как и в Германии, Реформация в Англии повлечет за собой секуляризацию церковных земель и их разграбление королем, дворянством и буржуазией²⁷. Необходимо отметить, что тем не менее Мор, как и другие гуманисты, так или иначе оказал влияние на политику правительства Генриха VIII в отношениях церкви и государства в первых шагах английской Реформации. Английский историк Д. Мак Коника даже доказывает, хотя и не всегда убедительно, что учение Эразма Роттер-

дамского оказало решающее влияние на формирование церковной политики английского короля²⁸.

Наибольшее же воздействие на политику правительства Англии и Франции, несомненно, произвела лютеровская Реформация. В результате происшедшего после битвы при Павии (февраль 1525 г.) резкого перелома в европейской политике, приведшего к усилению Габсбургов и ослаблению Франции²⁹, правительства Франции и в меньшей степени Англии стали рассматривать протестантских князей Германии как естественных союзников в борьбе с Габсбургами, стремившимися подчинить своему влиянию папскую курию. Опасаясь широкого распространения реформационных идей в английском обществе, тюдоровская монархия в условиях, когда резко обострились ее отношения с Габсбургами и папской курией, все же пыталась заключить политический союз с протестантскими княжествами Германии³⁰. Идя на некоторые уступки германским протестантам в вопросах веры, правительство Генриха VIII в то же время ни в коей мере не было склонно к углублению Реформации в Англии. В 1530 г., едва только начал свою деятельность «Парламент Реформации», Генрих VIII в беседе с папским нунцием заявил, что он не допустит происшедшего в Гессене и Саксонии, ибо он привык пресекать подобного рода преступления³¹. А в середине 30-х гг., т. е. в период наибольшего сближения Англии и Шмалькальденского союза, английское правительство пошло на признание «аугсбургского вероисповедания», но когда стало очевидно, что ни Габсбурги, ни папство в данный момент не угрожают Англии, протестантским князьям было заявлено, что в союзе с ними не нуждаются³².

Немецкий историк и социолог Г. Шеффлер много усилий потратил на то, чтобы доказать, что в Германии Реформация была проявлением германского национального духа, а в Англии целиком зависела от политических факторов³³. Что касается германского национального духа, то в марксистской историографии подобная точка зрения достаточно убедительно была подвергнута критике. Об английской же Реформации в сравнении с Реформацией в Германии необходимо сказать следующее. Генрих VIII считал, что именно учение Лютера — основная причина Крестьянской войны в Германии, и по-своему был прав, всеми силами ограничивая распространение лютеранства в Англии. Но с другой стороны, английского короля привлекали два наиболее важных результата лютеровской Реформации — укрепление примата светской власти над церковной и проведение секуляризации. Таким образом, крайне непоследовательное и половинчатое по своему характеру явление, которое называется Реформацией Генриха VIII, возникло как под воздействием настроений нового дворянства и буржуазии, внешнеполитических факторов, обусловленных конфликтом с Габсбургами и папством, так и под влиянием взглядов самого короля на Реформацию, несомненно навеянных событиями в Германии.

Сравнительно терпимое вначале отношение Франциска I и его окружения к распространению лютеранства, последователей которого во Франции было не так уж много, объясняется не столько легкомыслием французского короля, как часто объясняли это французские исто-

рики прошлых лет, сколько необходимо обрести в германских протестантах союзников для борьбы с Карлом V. В 1534 г. даже начались переговоры о религиозном компромиссе между протестантскими княжествами Германии и католической Францией, компромиссе, который мог бы стать прочной основой для создания военно-политического союза. В вышедшей недавно книге западногерманского историка К. Зайделя подробно освещается ход этих переговоров. Начавшиеся несколько позднее выступления «плакаров» гонения на протестантов во Франции, в которых деятельное участие принимал сам король Франциск I, положили конец этим переговорам. Попытки Меланхтона примирить Франциска I и французских лютеран оказались безуспешными³⁴. Зайдель считает, что компромисса не удалось достигнуть потому, что протестантские богословы Германии не смогли договориться между собой о том, какие именно уступки в вопросах веры следует сделать католическому королю Франции³⁵. Обычное же объяснение причин, по которым прекратились франко-германские переговоры, сводится к тому, что в движении «плакаров» Франциск I увидел огромную опасность для монархии и католицизма во Франции.

Но как уже говорилось, лютеранство во Франции было распространено слабо и серьезной опасности не представляло. Тут, думается, нельзя игнорировать внешних факторов, а именно тот эффект, который произвела на французскую монархию «Мюнстерская коммуна». Как совершенно справедливо пишет Кнехт, после «Мюнстерской коммуны» французская монархия во всяком проявлении протестантизма стала видеть угрозу своему собственному положению и начала решительно преследовать протестантов³⁶. Теперь о религиозном компромиссе с германскими протестантами не могло быть и речи. Зато четче обозначались общие военно-политические цели германских протестантов и католической Франции, которые с наибольшей силой отразились во время шмалькальденских войн. Соглашение, заключенное 5 октября 1551 г. между французским королем Генрихом II и князьями, формально преследовало «сохранение прав и свобод князей и сословий империи» и не включало пунктов о борьбе против папства и католической веры, обнажив, таким образом, чисто политическую направленность антиабсбургской политики Франции и германских князей³⁷.

Как можно было заметить, влияние Крестьянской войны и Реформации в Германии на политику абсолютистских правительств Англии и Франции по отношению к реформационным движениям было несомненным и сказалось как на внутренней, так и на внешней политике этих государств, на ускорении и замедлении темпов реформационных процессов в этих странах. В то же время очевидно, что восприятие Крестьянской войны и Реформации в Германии в большей степени зависело от внутреннего развития Англии и Франции. Крестьянская война не могла найти своего продолжения в Англии и во Франции, а лютеровская Реформация, как писал Ф. Энгельс, «вырождалась и вела Германию к гибели»³⁸. Именно эти обстоятельства сыграли свою роль в том, что английская и французская буржуазия не восприняли лютеранство в качестве своего идеологического оружия. Ф. Энгельс от-

метил, что «кальвиновская Реформация послужила знаменем республиканцев в Женеве, в Голландии и Шотландии, освободила Голландию от владычества Испании и Германской империи и доставила идеологический костюм для второго акта буржуазной революции, происходившей в Англии. Здесь кальвинизм явился подлинной маскировкой интересов тогдашней буржуазии, поэтому он и не добился подлинного признания после революции 1689 г., окончившейся компромиссом между частью дворянства и буржуазией»³⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 417.
- ² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 501.
- ³ В. И. Рутенбург. Италия и Европа накануне нового времени. Л., 1974, с. 5.
- ⁴ А. Н. Чистозвонов. Историческое место XVI века в процессе генезиса капитализма в Европе. — СВ, вып. 38, 1975, с. 45.
- ⁵ М. Steinmet. Der geschichtliche Platz des deutschen Bauernkrieges. — «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1975, № 3, S. 261, 270.
- ⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, с. 434.
- ⁷ E. Fueter. Geschichte des europäischen Staatensystems von 1492 bis 1559. München und Berlin, 1919, S. 50.
- ⁸ E. Troeltsch. Die Soziallehren der christlichen Kirchen und Gruppen. Tübingen, 1912; J. Leonard. Histoire générale du Protestantisme. T. 1, La Réformation. Paris, 1961.
- ⁹ E. Solé. Les origines de la Réforme: protestantisme, eschatologie et anabaptisme. — «Annales. Economies. Sociétés. Civilisations», 1973, № 5.
- ¹⁰ L. Febvre. L'origine des placards de 1534. — «Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance». 1945, № 7; ejusdem. Une question mal posée: Les origines de la réforme française et le problème des causes de la réforme. — «Revue Historique», t. CLXI, 1929.
- ¹¹ R. Knecht. The Early Reformation in England and France: a Comparison. — «History», 1972, № 189.
- ¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 311.
- ¹³ R. Knecht. The Concordat 1516: a Reassessment. In «Government in Reformation Europe. 1520—1560», ed. H. Cohn. L., 1971.
- ¹⁴ См.: А. М. Молдавская. «Большой мятеж» 1529 г. в Лионе (из истории классово-вой борьбы во Франции). — СВ, вып. 35, 1972.
- ¹⁵ H. Hauser. Etudes sur la Réforme française. Paris, 1909; История Франции, т. 1. М., 1972, с. 183.
- ¹⁶ T. Parker. The English Reformation to 1558. Oxford. 1950; A. Dickens. The English Reformation. 2, L., 1967.
- ¹⁷ J. Scarisbrick. Henry VIII. L., 1968.
- ¹⁸ Наиболее концентрированно эта точка зрения Д. Элтона проводится в изданном недавно в Англии сборнике его статей. См.: G. R. Elton. Studies in Tudor and Stuart Politics and Government. 2 vols. Cambridge University Press. L., 1974; Рец. Ю. Е. Иво-нин. — «Вопросы истории», 1975, № 10.
- ¹⁹ S. Bindoff. Tudor England. Harmondsworth. 1950, p. 101.
- ²⁰ В. Ф. Семенов. Огораживания и крестьянские движения в Англии XVI в. М. — Л., 1949.
- ²¹ Ю. Е. Ивоинин. Реформация Генриха VIII и внешняя политика Англии. Автореф. канд. дис. Л., 1974, с. 17.
- ²² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 732.
- ²³ История Швеции. М., 1974, с. 158.
- ²⁴ H. Hauser. Op. cit., p. 103.
- ²⁵ Ibid., p. 65.
- ²⁶ И. Н. Осиповский. Томас Мор. М., 1974, с. 91.
- ²⁷ Там же, с. 95—97.

²⁸ J. Mc. Conica. English Humanists and Reformation Politics under Henry VIII and Edward VI. Oxford, 1965.

²⁹ E. Fueter. Op. cit., S. 290.

³⁰ См.: Ю. Е. Ивонин. Попытка создания политического союза Англии и протестантских княжеств Германии. В сб.: Англия XIV—XVII вв. Проблемы генезиса капитализма. Горький, 1975.

³¹ Calendar of State Papers, Despatches and Letters, relating to the Negotiations between England and Spain, ed. by P. de Gayandos, vol. 4, pt. 1, L., 1872, N 513.

³² J. Strype. Ecclesiastical Memorials, vol. 1, pt. II. Oxford, 1822, p. 239—243.

³³ H. Schoffler. Wirkungen der Reformation. Religionssoziologische Folgerungen für England und Deutschland. Frankfurt am Main, 1960.

³⁴ Correspondance du cardinal Jean du Bellay, t. I. Paris, 1969, p. 475—477.

³⁵ K. Seidel. Frankreich und deutschen Protestanten. 1534—1535. Münster Westfalen, 1970, S. 177.

³⁶ R. Knecht. The Early Reformation..., p. 14—16.

³⁷ Corps universelle diplomatique du droit des gens, par J. Dument, t. 4, pt. 3, Amsterdam, 1726, p. 33—34.

³⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 314.

³⁹ Там же, с. 315.